

Глубины и мели «паводка»: [Рецензия]

«Я вновь себя почувствовал мальчишкой,
которому все надо наверстать,
чтоб жизнь свою в конце концов сверстать
короткою, но стоящею книжкой».

Эти строки ангарский поэт Валерин Алексеев вынес на обложку своей стихотворной книжки «Паводок». «Сверстать свою жизнь» — что может быть сложнее для поэта, тем более, если он далеко не молод! А жизнь — это и суровые годы войны, и новые города, и друзья, ушедшие так рано и навсегда. Поэт поставил перед собой задачу рассказать об этом в короткой книжке. Однако он не ограничил себя одной темой: помимо чисто автобиографических стихотворений («Станция Мамонтовка», «Первый прыжок», «Стихи о погибшем товарище»), он включил и стихи-зарисовки («Люблю один бродить на лыжах», «Изюбр», «Пью березовый сок и все, больше хмелею от радости») и философские раздумья («Летают к Северному полюсу», «Пешка», «Арфа»), Все же ударение книжки делается на автобиографических стихотворениях, а они, на мой взгляд, во многом уступают последним. Это произошло потому, что почти все автобиографические вещи Валерия Алексеева носят чисто информационный характер: поэт не показывает происходящее, а рассказывает, сообщает. Для примера «Стихи о погибшем товарище». Просчеты этого стихотворения характерны для Алексеева. В нем рассказывается сразу о многом: лирический герой и его друг Генка Пронин режутся в шахматы в то время, как «В вышине, различимый едва, иммельманами, мертвыми петлями чертит рыжее небо У-2»; друзья бросают шахматы, смотрят «долго» вслед самолету. И тут автор с пафосом сообщает:

«Наши помыслы, паши искания,
щуря тронутый пулею глаз,
одобрял, побывавший в Испании,
живший в ломе прославленный ас».

О каких помыслах и каких исканиях говорит автор, нам неизвестно: то, что друзья играют в шахматы, ровно ничего не говорит о них, и что это за ас, у которого глаз тронут пулей, и что это за пуля, которая дотрагивается до глаза!

«Но пошли мы дорогами разными,
Каждый выбрал но силам свою».

Эти строки, как и следующие, — сплошная информация, мы ничего и никого не видим: ни друзей, ни аса, никаких дорог. Поэтому доскажем

стихотворение: лирический герой упал на «валежины мокрые» и стал считать минуты до смерти, а в (то время летчик Пронин повел на таран охваченный пламенем истребитель и погиб в сентябре сорок первого. Вот и все. Рассказано то, что рассказал Валерий Алексеев, только прозой, и ничего не изменилось. Стоило ли искать рифму, работать с размером и т. д., если результат в любом случае один и тот же! В этом стихотворении нет души, нет ни одной детали, которая заставила бы нас пережить событие.

По этому поводу припомнились слова Михаила Светлова: «Обращайте внимание на температуру стиха, пусть будет хотя бы 37 градусов». Вот видите — «хотя бы»! Для стихотворения даже 37 градусов маловато. А у «Стихов о погибшем товарище» самая нормальная температура — 36,6. Это плохо, когда о гибели товарища говорят спокойно.

Можно говорить и о деталях, например, о рифме. Рифма у Алексеева не всегда точна, иногда просто банальна: кровью-любовью, иногда просто нет рифмы: азов—Азов, коршунихою — Коршунихою, Иван-чай — чай, землю — земно. Еще Владимир Маяковский в своей книге «Как делать стихи» говорил о ТОМ, что нельзя рифмовать «ботинки — полуботинки».

Встречаются у Валерия Алексеева и просто неряшливые строки: любовь «гудит в моих жилах», «глаза отсвечивали льдом» и т. д. Эти частности портят сборник. Но есть и другие стихи. Хочется полностью процитировать его небольшое стихотворение без названия:

«Года уходят, что ни делай,
в дом отчий сам вхожу отцом.
Меня родитель поседелый
спешит попотчевать винцом.
И вот мы с ним сидим в подвале,
где тесно даже одному.
Вам вин таких не подавали
ни на Кавказе, ни в Крыму.
Но, как всегда, в честь нашей встречи,
Тряпицей смахивая пыль,
отец, кряхтя, берет за плечи
традиционную бутылку.
Мы пьем, припомнив все невзгоды,
В бокалах тонкого стекла
бушует хмель лихого года,
в котором мама умерла.

Все стихотворение написано очень спокойно, ровно: лирический герой встречается со своим отцом, что может быть прекрасней этой встречи! Но «в

бокалах тонкого стекла бушует хмель лихого года, в котором мама умерла» — это звучит так неожиданно, так естественно, что не может не задеть нас. В сердце поэта вошло воспоминание: один миг — целая жизнь, и потому получились стихи.

И «Люблю один бродить на лыжах» — своим настроением, тонким рисунком, и программное «Паводок», и мягкое по тональности «Пью березовый сок и все больше хмелею от радости», и афористичное «Дон-Кихот», и некоторые другие стихотворения сборника В. Алексева будят мысль и чувства читателя.

У Валерия Алексева есть истинные почитатели его таланта. И неудачи любимого ими поэта их огорчают, а удачи радуют.

А. КОБЕНКОВ.

Знамя коммунизма. — 1970. — 8 июля. — С. 3.